

Русская провинция 1812-1814 гг. в воспоминаниях пленного итальянского лейтенанта Ф. Пизани

Первая публикация: Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоарославец. 2017. С. 163-174.

Филиппе Пизани (1788-1883), лейтенант итальянской 1-й артиллерийской роты, взят в плен казаками 25 ноября под Вильно. Попал в госпиталь в Минске, оттуда летом 1813 г. через Чернигов, Липецк и Тамбов отправлен в Симбирск. Освобожден в июле 1814 вместе с другими итальянцами, в том числе с мемуаристом Ф. Баджи. Рукопись воспоминаний с цветными иллюстрациями хранится в муниципальной библиотеке г. Феррара (Италия). В 1936 г. итальянский исследователь Карло Дзаги сделал обзор мемуаров Баджи и Пизани в историческом ежегоднике (Carlo Zagli. In margine alla campagna napoleonica del 1812 italiani prigionieri in Russia // Rassegna storica del Risorgimento. 1936. P. 933-944). Воспоминания Пизани дважды публиковались с сокращениями (Filippo Pisani. Con Napoleone nella campagna di Russia. Varese – Milano. 1942; Ibid. In guerra con Napoleone. Memorie di Filippo Pisani. Chiari. 2006). Приводим более полные отрывки по изданию 2006 года (P. 253-265). *Курсивом* набраны комментарии итальянского публикатора Эрнесто Дамиани. Перевод с итальянского языка к.и.н. С.Н. Хомченко (Бородино).

После описания основных центров Орловской и Курской губерний и условий сельского хозяйства и земель, Пизани продолжает дневник 5 августа.

Мое единственное развлечение заключалось в том, чтобы писать. Как только я прибыл в Чернаву (Cernavk), я нашел уединенное место у реки, но внезапно меня застигли трое вооруженных палками крестьян, которые заставили меня пойти с ними к нашему проводнику. Я сам готов был жаловаться на грубый способ, использованный этими жителями, чтобы вырвать меня из моего прибежища, но офицер как обычно был пьян.

Он отпустил крестьян, похвалив за их поведение, не сделав мне никаких упреков. Он только захотел, чтобы я показал ему свои бумаги. Вместе с дневником у меня была географическая карта, которую он, не понимая, начал рассматривать, и на его вопрос я разъяснил ему, показав границы государств и областей.

Отвлеченный затем прибытием солдата, который принес ему бутылку водки, он больше не обращал на меня внимания и начал пить, я, пользуясь неожиданностью, забрал со стола и спрятал бумаги и карту. Выпив предложенную им рюмку водки, я отсалютовал ему и отправился в квартиру, куда отнес бумаги, стеснившие меня.

Я не мог понять, почему русские подозревали нас. Они не могли бояться восстания, как это было у границы. Это уже была не Польша, чтобы предполагать тайные замыслы: здесь все, от дворян до низших слоев, были плохо расположены к нам.

Даже четырех-пятилетние мальчики, так наученные, собирались в толпе перед квартирой, чтобы насмехаться над нами. Не русское правительство, а подчиненные чиновники были теми, кто держал нас в угнетении, даже некоторые губернаторы. Они не хотели, чтобы мы останавливались, и, казалось, хотели заставить нас идти в течение всего времени плена. Действительно, первым пунктом назначения был Чернигов, отдаленный от Вильны на 666 верст. Позже из-за коварства и клеветы мы были отправлены в Тамбов за 787 верст, и нам сказали, что даже из Тамбова мы будем посланы еще на более 600 верст, то есть к Волге.

Если русские, утомляя нас, пытались страданиями вынудить поступить к себе на службу, их усилия были тщетными. Что касается меня, единственной моей целью было снова увидеть родину, и с этим твердым чувством я бросил вызов самым жестоким невзгодам.

Похожим был прием, оказанный пленным в городе Липецке.

В Липецке есть отдельно и близко стоящие дома; на вершину же холма ведет прямая улица из восьмидесяти построенных с элегантностью деревянных зданий, в которых в июне, июле и августе из-за находящихся здесь минеральных вод поселяются господа из Москвы, Чернигова, Вильны и разных губернских городов. Внизу можно увидеть большое сооружение, в котором есть комнаты для купания, другие помещения для отдыха, а за ним виднеется озеро. Здесь мы встретили большое количество карет, запряженных красивыми лошадьми среднего роста, но с густыми и длинными гривами до земли. Все семьи, собравшиеся в этот сезон,

богаты и знатны, поэтому они соревнуются в роскоши, о которой я мало что помню; многочисленны и их крепостные в разнообразных ливреях.

Когда мы по большой улице поднимались на холм, из дверей дома показался повар, чтобы высказать нам несколько оскорблений, но вынужден был отступить, встреченный ими же, которые были для него в обмен у каждого из нас. В русском языке у нас не было практики, но все ругательства были выучены. Мы были размещены в крошечной деревне в трех верстах за городом, с запретом на вхождение туда. Русский офицер, наш проводник, разместился с конвоем в питейном доме, заставив продавца взять с нас на треть больше обычной цены, возможно, чтобы напиться досыта без каких-либо затрат. Так же случалось и раньше, когда он прибывал в кабаки.

У этого офицера не было много денег и он изыскивал средства из транспортных расходов, договариваясь с бургомистрами, не позволяя нам менять повозки на станциях и выгадывая наши деньги за несколько дней. Мы чувствовали отвратительные последствия этого, но на наши жалобы он отвечал, что это происходит не по его вине.

За тридцать верст до Тамбова можно увидеть множество очаровательных поместий, разбросанных по сельской местности. Наше пребывание было в деревне за Ивановской (Ivanowskia), где жило несколько дворянских семей, нашим жильем стал большой дом, предназначенный для постоя. Я пошел на огород, чтобы купить арбузов, и, увидев в дверях особняка молодого человека любезного вида, предварительно представившись, спросил, продаются ли арбузы; он ответил отрицательно и указал мне другое место; но затем, по приходу его огородника, он подозвал меня и приказал принести двадцать арбузов, которые я просил. Тем временем он задержал меня, чтобы поговорить по-французски о военных делах. В беседе участвовали его мать и две сестры, но они не пригласили меня зайти и вынудили меня оставаться на палящем солнце четверть часа. Огородник принес двадцать арбузов стоимостью двадцать копеек; синьорина, тем не менее, попросила с меня только десять и взяла их сама, не давая мне передать их через огородника. Поприветствовав этих дам, я вернулся на квартиру и рассказал моим товарищам о хорошей встрече, посмеявшись с ними и сочтя это плохим проявлением русского образования.

Здесь были расквартированы плененные в Винково 18 и 22 октября. Они рассказали, что из собранных в Калуге 1500 солдат и офицеров только 200 прибыло в Тамбов, потому что в пути остальные были убиты местными жителями, жаждущими тех небольших денег, которые те имели. Что касается нынешней войны, они подтвердили новость о перемирии до сентября, считая, что мирные переговоры продолжатся; поэтому надеялись на короткий срок пленения.

По прибытии в Тамбов 17 августа, мы получили для жилья помещение, похожее на школу, на это указывали находящиеся там скамьи, но здесь мы были оставлены без всего, даже соломы для сна, что мало нас огорчило. Моя грусть исчезла, когда я узнал, что другой отряд, в котором находился мой коллега Тадолини (Tadolini), прибыл за день до нас и остался здесь, чтобы объединиться с нами в одну колонну до Симбирска. Я смог найти его, и с тех пор без возражений объединиться в одну семью с Росси (Rossi) и Тадолини.

В Тамбове было два генерал-губернатора, один гражданский, другой военный, а также военный князь, назначенный для надзора за пленными. Он встретился с нами и чувствуя, что мы опасались маршировать зимой, заверил нас, что мы не пойдем дальше Симбирска, до этой губернии нам были выданы средства. Первые прибывшие отправились в Саратов, где климат более умеренный.

Я мог бы постараться остаться в Тамбове, но те, кто пребывал здесь несколько месяцев, не были уверены, что останутся там; так что лучшим было продолжить свой поход, пока сезон был теплым. Мне предложили поехать в Москву работать там архитектором, чтобы восстанавливать здания и дома, поглощенные пожаром; но я отказался от выгодного предложения. Отделившись от других пленных, я боялся не освободиться с ними, и отказавшись от надежды вести достойную жизнь, я предпочел оставаться несчастным среди моих товарищей.

22 августа, после четырех дней пребывания в Тамбове, конвой пленных, состоящий из 63 офицеров и 42 повозок, оставил город и через леса и деревни продолжил бесконечное путешествие к северным границам России.

Начинался сентябрь и сезон стал холодным и дождливым. Я много страдал от отсутствия средств для подкрепления сил в тех мелких деревнях. В одной темной и закопченной комнате мы остановились впятером, вместе со стариком, женщиной и двумя детьми. Вечером я съел только немного хлеба; предложив деньги, не удалось получить ни яиц, ни масла, ни даже молока, и пришлось довольствоваться черным хлебом и арбузами. На полу было рассыпано немного сена, и мы провели ночь без сна, мучаясь от холода и блох.

3 сентября поход возобновился в еще влажной одежде. Дождь и ветер бушевали. Я укутался в свой плащ, но тем не менее из-за пропитанной водой рубашки чувствовал себя замерзшим от ветра, который дул с холодного севера без остановки, повозка была открыта и настолько узка, что я перепачкался грязью, летящей из-под колес. Иногда приходилось идти пешком прямо в воде. Я утешился по прибытии в Саранск, где была назначена остановка и где я смог поправиться и отдохнуть от страданий, перенесенных за два предыдущих дня, мучаемый непогодой. Уже начиналась зима.

Рано утром 13 сентября нас мучил холод. Однако мы утешались мыслями, что осталось 18 верст до конца долгого путешествия. Спокойно я смотрел на приближение зимы, представляя себе, как останусь на жительство в Симбирске с друзьями Росси и Тадолини. Прибыв в пригород Симбирска, 63 пленных офицера перестали надеяться, что все проведут в этом городе зиму. Эта милость была оказана немногим; остальные должны были быть распределены по второстепенным городам этой губернии или в более дальние губернии.

Мы с Росси и Тадолини искали способы, чтобы остаться среди избранных. Нуждаясь в реальной поддержке, я был достаточно осторожным, чтобы воспользоваться этой возможностью, но первая же встреча оказалась неудачной. Комиссар полиции посетил нас и объявил плохие вести: «Господа, вы не останетесь здесь, а поедете в Сибирь, которая достаточно велика, чтобы вместить всех французов».

В ответ мы смирились, потому что в течение долгого времени привыкли страдать; еще больше заставляло нас печалиться, что многие другие пленные были оставлены в других городах русской губернии. Комиссар прибавил, что нам положена большая строгость, так как наш конвой состоит из плохих парней.

Сопровождающий уже сообщил общине об остающихся, по этому поводу у сопровождающего офицера даже возник спор с крестьянами; таким образом, мы все не были включены в эту категорию. Между тем, нам было запрещено входить в город посредством часового на мосту через канал, который служил границей с этой стороны.

Во второй день пребывания в Симбирске нам был представлен лист, в котором каждый должен был написать свое имя, звание и родину. В ходе этой встречи состоялись споры. Французы заявили, что многие не были теми, кем записались, некоторые офицеры оказались всего лишь военными музыкантами или старшими сержантами. Они хотели лучше питаться, но, уличенные доказательствами их лживости, понесли наказание плетью по приказу комиссара полиции, который при этом присутствовал, и, лишенные положения офицеров, были помещены в солдатские условия, то есть на двенадцать копеек в день. Я с сожалением увидел среди них и Фераццини (Ferazzini). После того как комиссар, хотевший наказать также тех, кого он называл плохими парнями, выпустил свой гнев, я взял на себя смелость спросить его, на какой срок было назначено наше отправление и в каком направлении.

Со всем спокойствием он ответил, что мы уедем как можно скорее в города той же губернии, за исключением пятерых.

В окружении комиссара находился некий господин Руска (Rusca), итальянский архитектор, который говорил со мной и моими товарищами с очень вежливыми манерами. Мы решили использовать это, чтобы получить возможность остаться в Симбирске; и он обещал нам, что поговорит с комиссаром и губернатором, для памяти я дал ему записку с нашими тремя именами. Сопровождающий офицер был любезен дать хорошую рекомендацию для содействия нашему намерению.

На следующий день с Тадолини, Росси и пятью французскими офицерами, в сопровождении проводника, мы вошли в город, чтобы пойти к комиссару. Тот, после некоторой беседы, дал поручение одному из французских офицеров написать имена десяти из нашего конвоя, достойных из-за хорошего поведения остаться в Симбирске.

У него была небольшая деликатность в обращении со всеми французами, тогда как на присутствующих трех итальянцев он не обращал внимания; комиссар все же приказал отметить и наши имена, и велел ждать. Было разрешено ходить по городу без сопровождения, и с Тадолини и Росси мы пошли на площадь. Там мужчина лет шестидесяти, невысокого роста, в европейской одежде, в низкой лакированной кожаной шляпе, пошел к нам навстречу, спросив, являемся ли мы итальянцами, и, получив подтверждение, сердечно обняв и поцеловав нас, повел к себе домой на обед. По имени Боски (Boschi), он происходил с берегов озера Комо. Уже тридцать шесть лет он занимался в России торговлей, где сделал значительное состояние и содержал большую приличную семью.

Он женился на русской и, договорившись о родстве с другой семьей итальянцев, устроил брак своей дочери с Филиппини (Filippini), так же богатым торговцем, с которым я тоже там познакомился.

На следующий день, рано утром, в нашу простую квартиру в пригороде явился верховой казак с приказом комиссара, который ждал нас троих к себе в дом. По прибытии он принял нас очень вежливо, пригласил попить чай с ромом, и утешил, показывая свое расположение, что должно было поддержать нас.

Когда мы проходили мимо дома Боски, чтобы идти к Руска, к нам подошел мальчик лет десяти с любезным приглашением: его папа и мама просили нас оказать им честь и нанести им визит. Он сопровождал нас в дом Коко (Cocò), итальянской семьи прыгунов, которые по военным обстоятельствам были задержаны здесь. Состоялся изысканный завтрак с использованием вилок и, к нашему удивлению, щедро угощали вином. Было весело, и я пел арии и песенки дуэтом с Тадолини.

После мы пошли, чтобы посетить архитектора Руска и поблагодарить за его доброту, а он пригласил нас на обед на следующий день. Боски посещал нас каждый день и охотно поддерживал разговор об Италии. Мне было любопытно иметь представление о Сибири, которой нам так часто угрожали, и я попросил его дать описание ее, так как он неоднократно совершал поездки в Тобольск.

Предпочтительно совершать такие путешествия зимой, потому что снег и лед выравняли землю, и можно было быстро выбирать на санях прямое направление без каких-либо препятствий. Чтобы меньше чувствовать холод, нужно было лежать в санях, завернувшись в большую медвежью шкуру и шапку с ушами: две большие собаки быстро тащили сани, и при том никто не управлял ими, они сами знали почтовые станции, хотя те не были узнаваемы, а представляли собой землянки, в которых проживали крестьяне, имеющие обязанность содержать собак и держать наготове для смены.

И после разговора о Сибири Пизани продолжает:

Я бы и дальше вел разговор, но приближался обеденный час, и я отправился с двумя товарищами к архитектору Руска, у которого мы были хорошо приняты и роскошно пообщались.

Мы стремились узнать результат его посредничества с губернатором, чтобы получить возможность провести зиму в Симбирске; но к концу обеда мы с сожалением поняли, что губернатор, недоброжелательно расположенный к офицерам, составляющим наш отряд, начал протестовать, не желая никого из них в Симбирске. Наоборот он дал распоряжение, чтобы мы были разделены на три отряда и отправлены в Сенгилей (Singlei), Ставрополь (Stawropol) и Самару (Sammara), три города Симбирской губернии на берегу Волги; первый справа по реке, на расстоянии 55 верст; другие две слева, отстоящие второй на 350 и третий еще на 200 верст.

В Симбирске находился Джованни Пиккарди (Piccardi), римлянин, бежавший с родины от революции. Он был нанят губернатором в качестве секретаря. Мне сообщили, что он был бы единственным способом, чтобы получить милость, которую я страстно желал.

Пиккарди служил посредником для подарков, которые он ревниво получал и передавал губернатору, но слишком поздно я узнал это. Десяти французам была предоставлена милость остаться в городе, и я не знаю каким способом им удалось получить ее: нам было отказано. Тем не менее, я познакомился Пиккарди, но он ничего не мог сделать для меня, кроме обещания, что в Сенгилее мне с двумя товарищами будет дан удобный приют, так как у него там был друг в полиции, которому он рекомендовал нас.

Положение зимой в Сенгилее, второстепенном городе Симбирской губернии на правом берегу Волги; костюмы, характер и общество местных жителей всех рангов и состояний.

Наш отряд отправился из Симбирска 22 сентября 1813 после двух других, так же в южном направлении. Насчитывалось 13 офицеров и 21 солдат, предназначенных для проживания в Сенгилее. Путешествие в 55 верст было разделено на три этапа и проходило по скучной лесистой, неровной и почти запущенной и безлюдной территории по соседству с Волгой; культивируемую и плодородную землю мы увидели рядом с Сенгилеем, и, таким образом, появилась надежда на хорошее размещение.

Как обычно, по прибытии в город мы были задержаны в обширном крестьянском пригороде, зависимом, но все же самодостаточном. Пришел начальник полиции в сопровождении своего квартального (quartalmik). Первый говорил на французском языке, оказал нам радушный прием и задержался с нами. Он отправил офицера и полицейского из Симбирска, которые сопровождали нас, спросив нас, имеем ли мы какие-либо жалобы: нам были выплачены за 24 дня 12 русских [рублей], и мы не могли жаловаться. Сенгилеевский квартальный выдал нам деньги за шесть следующих дней и обещал, что как можно скорее мы будем в городе и нам троим дадут отдельную удобную квартиру в соответствии с рекомендацией Пиккарди, которую тот передал

нам лично. Местные жители, которые временно дали нам приют, охотно оказывали нам услуги, а также готовили пищу. Парни и я изучали обычаи и учились произносить буквы и выражения.

В конце концов, 27 сентября мы вошли в Сенгилей, чтобы занять свое место. Я был доволен тем, что оказался с моими двумя товарищами устроенным в приличной квартире, совершенно бесплатной для нас. Она состояла из прихожей, которая использовалась как кладовая, большой комнаты и маленькой подходящей кухни. Дом был деревянный, без мебели, с лежанками и скамьями вдоль стен; другие были добавлены, чтобы разместить три соломенных тюфяка, которые мы специально заготовили. Росси и Тадолини устроились в большой комнате; я подготовил кровать на кухне. У кровати Росси и моей были открытые окна, но они хорошо закрывались стеклами. Среди пленных находился Джованни Клавена (Clavena), миланец, сержант велитов. По приглашению он перешел жить к нам и разделил с нами стол, занимаясь домашними делами.

Был сделан запас необходимых предметов, а именно закрывающееся деревянное ведро для кваса (quas) (напитка), жестяные и стеклянные стаканы, железные горшки и сковороды, напольный таз, железные и деревянные ложки, деревянные тарелки и миски. Крестьянин, живший в соседнем доме, был обязан ежедневно доставлять нам воду и дрова.

Городок Сенгилей состоял приблизительно из 400 домов и не предлагал бедным пленным больших развлечений. Вид замерзшей Волги был единственным спектаклем, который отвлекал немного от гнетущей тоски. Сердечно принятый, Пизани мог спокойно гулять по территории, а также совершать экскурсии по окрестностям. Часто он принимал участие в местных праздниках, посещал знатные семьи и укреплял дружеские отношения с должностными лицами и русскими дворянами.

Когда визиты не отвлекали его, он проводил время за чтением, записями истории своих приключений и изучением основ русского языка, который он узнал достаточно, чтобы быть понятным. Росси был более экспансивным и общительным, чем Пизани. Тадолини, напротив, был мизантропом, замкнутым в себе, и оставался всегда дома, настроенный против русских и серой жизни, которую он был вынужден вести. Другие пленные офицеры не стремились к тесным отношениям. Повествует Пизани:

Итальянцы, чувствуя отвращение, жили отдельно от французов: их враждебность, показанная в Симбирске против тех несчастных, которые, чтобы жить лучше в плену, записались как офицеры, стала причиной, которая положила конец военному союзу, французы заработали репутацию эгоистов, способных пожертвовать братьями по оружию ради амбициозного первенства.

После различных противостояний я переехал из Сенгилея, чтобы воспитывать детей Окулова (Okulow), владельца Волинщины (Valincin). Здесь я в течение трех солнечных месяцев увидел зиму, весну и лето.

Молодой Окулов ясно дал понять исправнику (Ispraunik) намерение своей матери забрать домой пленного офицера, способного обучать детей, и что она прибудет за ним в Сенгилей. Исправник знал, что я изучил французский язык в Димитрове, чтобы можно было объяснить его на русском языке; таким образом, без какого-либо предупреждения, считая меня согласным, он спросил позволения городничего (Gorodnici) на мой переезд в Волинщину в семью Окуловых.

Находясь в Волинщине Сызранского [на самом деле Сенгилеевского] уезда, в доме помещика Артемия Окулова учителем его детей, Пизани оставался там три месяца, вежливо принятый и всеми любимый, пока в середине июня 1814 он не получил приказ вернуться к товарищам в Симбирск для возвращения на родину. Расставание с дворянской семьей, которая смягчила ему плен, было очень грустным.

При прощании со знакомыми из этой деревни я имел удовольствие видеть, что был там любим всеми. Они радовались со мной, видя исполнение моих желаний, и в то же время были огорчены мыслями, что мы никогда не увидимся; я показал свои чувства к такой сердечности. Дома было собрано все, что было мне необходимо, а именно рубашки, салфетки, мешочек пшеничной муки, печенье, яйца и хлеб в избытке; а также чай, сахар, чайник, фарфоровая чашечка, латунная кастрюля и даже подушка, чтобы я не страдал от тряски в неудобной повозке.

18 июня вся семья встала рано утром, чтобы в последний раз попрощаться со мной, трогательной была наша разлука: мальчики руками обвили мою шею и не хотели отходить: плакали все, и несколько слез появилось на глазах у молодой Елизаветы.

Сбор пленных, находящихся в Симбирской губернии, после объявления об освобождении. Пребывание в Карсуни.

Проведя три месяца в изобилии, и пользуясь всеми жизненными удобствами, любовью и уважением людей из разных слоев, я к взаимному огорчению оставил достойную семью господина Артемия Григорьевича Окулова, чтобы соединиться с другими итальянскими пленными и возвратиться с ними на родину.

Днем 18/6 июня 1814 года, выехав из Волынщины и взяв направление на Сенгилей, через 15 верст я встретил казака с приказом исправника направиться в Карсунь (Karsun), потому что мои товарищи вчера уехали туда.

Встретившись в Симбирске с Росси и Тадолини, Пизани поехал с ними в Карсунь, где были собраны многие другие итальянские офицеры, прибывшие из разных частей империи: полковник Olivieri, Conti, Gazzola, Dalpasso, Pacchioni, Azzi, Verdi, Rovinetti, Monti, Galbiati; Colloja, Giorgi, Mosca, Carletti, Mandola, Bonfiglioli, Fenocchio, Giacchetti, Ferazzini, Rivera, Del Sarto, Bellini, Bucci; Grazioni. Moretti, Gervasoni, Maccari, Cortinovis. Quartì, Fantini, Roveri, Cantoni, Masetti и т.д.

После 20 июня достиг Карсуни также Франческо Баджи (Baggi), который был вынужден покинуть Ставрополь, несмотря на то, что еще страдал тяжелым рецидивом, который заставлял его спать. В ожидании сопровождающего конвой офицера, который должен был прибыть из Симбирска, пленные были вынуждены находиться много дней в Карсуни, проводя время в празднествах и банкетах. 17 июля 1814 конвой смог наконец покинуть город.

Путешествие обратно на родину через губернии Симбирскую, Пензенскую, Тамбовскую, Орловскую, Курскую, Черниговскую, Киевскую и Волынскую, до Радзивилова на границе Галиции, в сопровождении русских.

Отряд, который отправился в путь, чтобы покинуть Россию, состоял из полковника, 50 офицеров и 166 солдат. 17 июля он был снабжен 66 повозками, а именно одной с двумя лошадьми для полковника, 50 с одной лошадью для офицеров и 14 для вещей солдат и для тех из них, кто не мог идти. Еще две с двумя лошадьми предназначались для русского офицера и про запас. Хороший порядок нашего конвоя в этом длинном марше заключался в формировании между нами нескольких команд из солдат и руководящих ими офицеров. Из десяти человек была составлена каждая команда офицеров: старший по званию или возрасту имел поручение ежедневно брать десять маленьких повозок с одной лошадью, или пять с двумя лошадьми. Каждая из солдатских команд, состоящая из двенадцати человек, была снабжена одной повозкой. Команды офицеров были пронумерованы, первая начинала путешествие в голове, чтобы на следующий день перейти к хвосту, и так по очереди.

Солдаты должны были выходить пешком рано утром: офицеры через два часа, чтобы догнать их рысью. У меня, Росси и Тадолини была повозка, приобретенная в Карсуни, один сидел впереди с крестьянином, двое удобно расположились на соломе, там же размещались чемоданы с вещами. Имея право на трех лошадей, двух мы запрягли в повозку, а третья, доверенная Клавете, сержанту велитов, тянула тележку с провизией и мелкими вещами, которые он собрал для нашей маленькой семьи.

Русский офицер сопровождения был старым пьяницей. С первого дня он пользовался правом устанавливать количество верст для каждой лошади, обманывая бедных крестьян, которые были обязаны поставлять их. Он попытался лишить нас половины повозок на второй день, по-своему прочитав нам приказ Симбирского губернатора; но был вынужден держаться предписания после моей проверки и угрозы подать жалобу.

Так, пересекая губернии, города и деревни, пленные медленно направлялись к границам России. Притесняемые местными жителями и сопровождающими, которые пользовались всеми предложениями и возможностями, чтобы обворовать их, они были вынуждены обратиться к Тамбовскому губернатору, который предупредил казаков и русского офицера об уважении к пленным. Не сказать, что жестокость и дурное обращение прекратились.